

Е. Абиль^{1*}, А. Кузембайулы²

¹ *Институт истории государства, Нур-Султан, Казахстан;*

² *Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан
(E-mail: yerkinabil@gmail.com; topai240345@mail.ru)*

Казахи и Сибирское ханство: советская историография проблемы

В статье проанализирована репрезентация места казахов в истории Сибирского ханства в советской исторической науке. Одной из наиболее интересных и обсуждаемых проблем доколониальной истории Западной Сибири является проблема места казахов в истории Сибирского ханства. По этому вопросу высказываются различные, порой, диаметрально противоположные точки зрения. Основные концепции сложились еще в российской дореволюционной науке, но в советское время они были значительно доработаны с учетом достижений этнологии, археологии и источниковедения. В советской историографии проблемы можно выделить два основных направления по вопросу места казахов в истории Сибирского ханства. Первое господствовавшее в советской исторической науке направление заложено трудами В. Огородникова и С. Бахрушина. Согласно ему, казахи появились на границе Западной Сибири только в конце XVII– начале XVIII века и не играли значительной роли в истории Сибирского ханства. Второе направление, представленное работами Н. Томилова и его последователей, относит казахов к числу автохтонов Западной Сибири и активных участников процессов, связанных с историей Сибирского ханства.

Ключевые слова: историография, репрезентация истории, казахи, сибирские татары, Сибирское ханство, Кучум, Тайбуга.

Введение

Несмотря на то, что территориальные вопросы между Россией и Казахстаном уже давно урегулированы, а договор о границе между Россией и Казахстаном подписан Президентами Казахстана и России еще в 2005 г., на страницах прессы и в Интернет-сообществе продолжает муссироваться тема территориальных притязаний России на Северный Казахстан. За всеми этими рассуждениями стоит укоренившаяся в российской науке концепция позднего (не ранее конца XVII века) расселения казахов на территории Северного Казахстана, Западной Сибири и Зауралья. В связи с этим особо актуальным является анализ истории постордынских государственных образований в контексте их связи с этнической историей казахов и других тюркоязычных этносов региона. Особое место в истории Северного Казахстана и Западной Сибири занимают Сибирское ханство и роль казахов в истории этого государства.

Проблема места казахов в истории Сибирского ханства была поднята в российской исторической науке с момента систематического изучения во второй половине XVIII века. Российские авторы XVIII — первой половины XIX века, связывая таких персонажей сибирской истории, как Тайбуга и Кучум с казахами, следовали за сообщениями сибирских летописей, т.е. исторической памятью сибирских тюрков. Кроме того, слабое развитие этнографической науки вело к тому, что все выходцы

из степной зоны ассоциировались у авторов с казахами, занимавшими эти степи в XVIII–XIX веках (Г. Миллер) [1].

В середине XIX века, с развитием этнографии и критики источников, стала получать распространение иная точка зрения, согласно которой казахи появились на границах Сибири в конце XVII или даже начале XVIII века (Г. Катанаев) [2]. Причиной стало скептическое отношение к исторической памяти, как «баснословным» сведениям» и представления о тождественности политического феномена «Казахское ханство/Казачья Орда» XVI–XVII веков и этнического феномена XVIII–XIX веков «казак/казах».

Советская историческая наука продолжила и развила основные концепции дореволюционной исторической науки. Преобладающим в науке стало положение об относительно позднем появлении казахов на границах Западной Сибири и их незначительной роли в истории Сибирского ханства и других постордынских государств, кроме, собственно, Казахского ханства. Во-первых, определенное влияние на развитие науки оказал фактический запрет со стороны руководства страны на изучение преемственности между населением Золотой Орды и казахами. Во-вторых, в репрезентации истории постордынского пространства происходит процесс фрагментации, когда отдельные части Золотой Орды отрываются друг от друга, освещаются как истории локальных самостоятельных общностей. В-третьих, сыграла свою роль слабая разработанность проблемы этногенеза казахов, приведшая к смешиванию политонима «казак» XV–XVII веков и казахского этноса, сложение которого произошло раньше.

Д. Верхотуров, поднявший проблему объективного изучения дорусской Сибири, констатировал, что «история Сибири, несмотря на проделанные исследования и достигнутые результаты, пока еще относится к категории наименее всего исследованных и меньше всего известных» [3; 22]. Говоря о проблемах изучения взаимосвязи сибирской истории и истории центрально-азиатских народов, в том числе и казахов, он отмечает, что «русские историки старательно не замечали тесных связей Сибири со Средней Азией и Передним Востоком ... Сибирь под пером русских историков утратила даже свой этнический характер» [3; 42]. В полной мере это относится и к репрезентации взаимосвязей Западной Сибири и казахов в ранний (до XVII в.) период истории.

Методология и методы исследования

Объектом изучения являются модели репрезентации места и роли казахов в истории Сибирского ханства, сложившиеся в советской исторической науке. Специфика объекта диктует и специфику применяемых в работе методов и исследовательских приемов. Прежде всего, отметим, что эмпирическую базу исследования составили научно-исторические факты — положения, концепции и суждения ученых, ставшие основой их моделей репрезентации изучаемого исторического явления. При историографическом анализе данных моделей мы основывались на принципе историзма, учитывая контекст советской эпохи с ее жестким идеологическим контролем над всей системой гуманитарных наук, в целом, и историей, в частности. Следующий важный принцип — принцип методологического плюрализма. Выбор методологии и исследовательских стратегий зависит только от целей и задач исследователя и принципиально равнозначен. Поэтому и оценивать их можно только в той мере, насколько они соответствуют данным задачам.

Мы рассматриваем историческое исследование как моделирование исторического процесса. Моделирование — это исследование объектов познания на их моделях, построение и изучение моделей реально существующих объектов, процессов или явлений с целью получения объяснений этих явлений, а также для предсказания явлений, интересующих исследователя [4]. Познавательные возможности модели обуславливаются тем, что модель отображает (воспроизводит, имитирует) какие-либо существенные черты объекта-оригинала. Таким образом, изучение одних сторон моделируемого объекта осуществляется ценой отказа от исследования других сторон. Поэтому любая модель замещает оригинал лишь в строго ограниченном смысле.

В статье моделирование исторических процессов рассматривается не в узком смысле, как один из исследовательских методов, а в более широком. Как отмечает Я.Г. Неуймин: «Исторически сложившиеся научные понятия, непосредственно либо опосредованно связанные с объективной реальностью, — законы, теории, научные картины мира, суть, модельные конструкты. Все наши научные представления о мире природы, общества и техники, наши знания о самих себе, о мышлении и о его закономерностях носят модельный характер» [5; 49].

Учитывая, что объектом исследования являются модели репрезентации исторических явлений, оформленные как научно-исторический нарратив, основными методами будут сравнительный метод и метод типологизации. Применение первого метода обусловлено необходимостью проведения сравнения различных моделей, основанных на различных исследовательских принципах и подходах, второго — на необходимости выявления общих черт в данных моделях, позволяющих сводить их в определенные группы по заданным критериям.

Результаты и обсуждение

Итогом русской дореволюционной и в то же время началом советской историографии истории Сибири можно считать работу В.И. Огородникова. Работа была написана еще осенью 1919 г., когда Иркутск находился под властью белых, вторая ее часть издана уже в 1925 г. Говоря о специфике сибирской истории, автор подчеркивает, что приходу русских в регион «предшествовала многовековая история туземной Сибири» [6; 2]. Работу характеризует обстоятельное изучение на доступном для того времени уровне всего комплекса климатических, географических, социально-экономических причин формирования населения Сибири.

Он выделяет следующие этапы тюркизации региона. Первый, до XIII века, в ходе которого в Восточной Сибири закрепились якуты, в юго-западной и южной Сибири хакасы (кыркызы) и ряд более мелких тюркских и тюркизированных групп, а на юге Западной Сибири, в степных ее частях — «турко-татары» [6; 184, 185]. Вторым этапом был связан с походами Чингисхана, в результате которого угро-финское население Западной Сибири было сдвинуто на север, а на их месте закрепились сибирские татары — население Сибирского ханства, улуса, сформировавшегося в результате распада Кипчакского ханства (Золотой Орды) [6; 218]. Эту часть сибирских татар В. Огородников называет туринскими татарами, или туралинцами, первой волной тюрков Западной Сибири, «туземной» [6; 219]. Ко второй волне, «пришлым» тюркам, он относит ногайцев и бухарцев, проникшим в регион в XIV–XV веках, в результате их смешения с местными тюркскими и угорскими группами формируются тобольско-иртышские и барабинские татары [6; 219–220].

Политическая история сибирских татар, в изложении В. Огородникова, заключается в постоянной борьбе местной династии тайбугидов и шибанидами за власть в регионе. Это и привело к гибели Сибирского ханства, несмотря на «выдающуюся личность Кучума» [6; 282]. Казахов (кыргыз-казаков) В. Огородников относит к сибирским народам, формирование их связывает с походами Чингисхана, когда в «многочисленные турецкие племена», кочевавшие до этого в Монголии, были вытеснены в арало-иртышские степи [6; 249]. Здесь в XV веке в результате объединения кыргызов, канглы, кыпчаков и дулатов формируется Кыргыз-казачий союз (*Казахское ханство*. — Авт.) [6; 250]. К XVII в. относится продвижение казахов под давлением калмыков в верхнее и среднее течение Иртыша и Ишима, а в XVIII в. — «к русским границам на Ишиме, Тоболе и Урале» [6; 252]. Очень интересным является замечание автора о том, что миграция найманов и кереев на восток, верхнее течение Иртыша в результате ликвидации Джунгарского ханства, является «возвращением на свои прежние места» [6; 252].

В результате перемещений казахов из Семиречья в Ишимские и Иртышские степи формируются три казахских жуза — союз дулатов и канглы образует Большую, или Старшую, Орду; кипчаки и «позднее присоединившиеся к ним роды других турецких племен (аргынов, найманов и керейтов)» составили Среднюю Орду, а «отделившиеся от них роды в соединении с родом алчин» образовали Малую орду [6; 251, 252]. Таким образом, В. Огородников не видит этногенетической связи между сибирскими татарами и казахами, придерживается концепции позднего появления казахов на территории лесостепной зоны Западной Сибири.

Собственно советская историография проблемы соотношения «казахского» и «татарского» населения Западной Сибири начата работами С. Бахрушина, в частности, «Очерками по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. [7]. В этот период С. Бахрушин обходит вниманием этнический состав Сибирского ханства, для него население региона — «татары», «туземные» и «инородческие» племена [7; 152]. Даже при описании пленения Сеид-Ахмата воеводой Д. Чулковым проигнорировано присутствие при этих событиях казахского султана Ораз-Мухаммеда [7; 154]. Уделяя большое внимание политическим и социально-экономическим аспектам истории Сибири, С. Бахрушин практически не анализирует этнический состав населения. При этом исследователь считал сибирских татар этносом, возникшим в результате завоевания Сибири монголами в XIII веке.

Позже, в ставшей классической работе о сибирских служилых татарах, С. Бахрушин проследил историю отдельных родов сибирских татар и, косвенно, этногенетические связи сибирского населения и соседей [8]. В частности, он отмечает, что сибирская знать постоянно пополнялась выходцами из других частей Улуса Джучи, в том числе и с территории современного Казахстана, «из Ногайской Орды» [8; 156]. Отмечает он и обратные процессы, когда от Кучума откочевали улусы «в Ногаи и Казацкую орду» [8; 158].

Связям Сибири с южными соседями был посвящен очерк С. Бахрушина «Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв.» [9]. Обширный анализ экономических и политических связей Сибирского ханства и среднеазиатских владений показал постоянные системные связи региона с другими частями Улуса Джучи и с присырдарьинским регионом, в частности, что констатирует автор. Однако для данной работы, как и для других работ С. Бахрушина, характерно полное игнорирование казахской составляющей таких контактов. Даже в тех случаях, когда эти контакты фиксируются в источниках, в частности, при упоминании фактов переезда родственников Кучума к казахскому султану Аблаю или установления брачных отношений с ханом Шыгаем, данные исторические персонажи не названы казахами. Об Аблае сказано буквально словами источника «в Бухары к Облахану», а Шыгай назван «знатным бухарским князем» [9; 199, 200].

Для исторической репрезентации С.Бахрушиным этнополитических процессов на территории Улуса Джучи характерны следующие моменты:

- 1) подчеркивание отрицательной роли монгольских завоеваний и Золотой Орды как в экономических, так и в этнополитических процессах в регионе;
- 2) принижение роли «кочевых» степных народов — наследников Улуса Джучи в этнополитических и экономических процессах в регионе;
- 3) искусственная модернизация терминов «татар» и «узбек» применительно к XV–XVII векам, присвоение им современного этнического значения с целью преувеличения роли «оседло-земледельческих» народов.

Системное изучение этнической истории Западной Сибири было начато в специальной монографии З. Бояршиновой [10]. Исследователь на основе изучения обширного эмпирического материала и классического для советской историографии методологического подхода приходит к выводу о тюркизации местного сибирского угорского населения, начиная с гуннского времени [10; 70]. Тюркизацию населения Западной Сибири она относит к раннему средневековью, к IX–X векам. З. Бояршинова считает, что угорское население, жившее в Прииртышье, было частично оттеснено к северу, частично ассимилировано кыпчаками. Последние стали одним из основных компонентов в формировании «сибирских татар» [10; 75].

Следующий этап этнической истории Западной Сибири относится автором к послемонгольскому времени, когда на территории Белой Орды и Улуса Шейбана формируется объединение «узбеков», причем предки казахов также включены в состав «узбеков» [10; 103]. Западная Сибирь, в частности, долина Ишима, отождествленная автором с владением «Туран», по мнению З. Бояршиновой, стала одним из центров формирования этого объединения «узбек» [8; 104]. Стоит отметить, что термины «татар», «узбек», «казах» исследователь считает условными названиями, более политическими, нежели этническими. Вместе с тем Сибирское ханство названо З. Бояршиновой государством «западно-сибирских татар», а Кучум — сыном «узбекского правителя Муртазы» [11; 36].

Говоря о советской историографии проблемы этнических связей казахского или шире, степного, населения с сибирскими татарами, необходимо отметить исследования узбекского ученого Х. Зияева. В небольшой по объему книге «Узбеки в Сибири», увидевшей свет в 1968 г., он пытается осветить роль узбеков в истории Сибирского ханства и этногенезе сибирских татар. При этом, описывая историю возвышения Кучума, похода Ермака и других исторических событий, Х. Зияев полностью игнорирует казахов и Казахское ханство. Роль Бухарского ханства, напротив, выделена несколько гипертрофированно, все персонажи сибирской истории (Кучум, Ахмет-Керей, Сеид-Ахмет) попадают в Сибирь непосредственно из Бухары, игнорируя географический и этнополитический факторы [12; 8, 9].

Заметным явлением в советской историографии стало издание пятитомной «Истории Сибири», первый том которой, увидевший свет в 1968 г., был посвящен дорусскому периоду [13]. Параграф, посвященный истории Западной Сибири в XIII–XVI веках был подготовлен З. Бояршиновой и Н. Степановым. В данной работе был окончательно сформулирована концепция истории региона в

золотоордынский период, господствовавшая в советской исторической науке вплоть до начала 90-х гг.

Автохтонами региона были названы угро-финские, самодийские и селькупские племена. Тюрки, жившие в лесостепной и степной части региона, «сложились из угро-язычных, кето-язычных и самодийских групп, подвергшихся ... тюркизации» [13; 360]. Таким образом, тюрки были признаны авторами «Истории...» пришлым, не автохтонным населением. Связь с Золотой Ордой отрицалась, образование Тюменского объединения, датированное XIV веком, объявлялось результатом внутреннего развития в процессе «феодализации» населения и «разложения первобытно-общинного строя». Очевидные факты сюзеренитета сарайских ханов над землями Сибири объяснялись тем, что «Тюменское ханство было в какой-то мере подчинено Золотой Орде» [13; 363, 364].

Дальнейшая история Западной Сибири в изложении авторов «Истории» представляется борьбой сибирских татар во главе с «тайбугиным родом» с пришлыми южными степными народами — узбеками и ногайцами, «стремившимися закрепить за собой кочевья по Тоболу, Ишиму и Иртышу» [13; 364]. С 20-х годов XV века эти земли входят в состав территории, где идет непрерывная борьба между кочевниками, представленными «правителями Белой Орды» и потомками Шейбани-хана. Естественно, создание «татарского Сибирского ханства» тайбугидов было ответом местного тюркизованного татарско-угорского населения на давление южных кочевников [13; 365, 366].

Захват власти Кучумом представлен в «Истории...» как результат «упорной борьбы за овладение Сибирским ханством со стороны шебанидов, ногайских мурз и правителей узбекских орд» [13; 366]. Кучум опирался на «узбекские и ногайские вооруженные отряды», местное население смотрело на него, как на завоевателя, пришельца, «положение массы трудящихся резко ухудшилось» [13; 367]. Таким образом, последовательно проводилась мысль, что последующее завоевание Сибири Московским государством было благом для местного населения, так как освобождало его от тирании пришлых «узбекских правителей», именно так в тексте «Истории...» названы Кучум и его отец Муртаза [13; 371].

В работах Н. Томилова проблема этнической истории тюркского населения Западной Сибири получила дальнейшее развитие. В одной из обобщающих работ он подчеркивает роль казахского населения степной зоны в формировании групп сибирских татар [14; 20]. В южной части расселения туринских татар автор отмечает их активные этнические контакты с башкирами или группами, вошедшими позже в состав башкир [14; 24]. Описывая особенности формирования тюркского населения по р.Тура, так называемой «области Тахчеи», исследователь проводит параллели со степным населением (племенами Дашт-и-Кыпчака), называя тагчи узбекским племенем, носившем второе название катаган [14; 27]. Отметим, что катаган и алаш были соответственно правым и левым крылом армии Орыс-хана, основателя династии казахских ханов. Кроме того, Н. Томилов отмечает наличие в составе хакасов группы «аргын», которая мигрировала сюда после завоевания Сибири русскими с реки Тобол вместе с другими группами сибирских татар. Вместе с тем, отмечено постоянное бегство части татар не только на восток, но и на юг, в степные районы [14; 34, 35, 76].

Описывая этногенез основного ядра сибирских татар — тобольских татар, или тобулык, Н. Томилов отмечает его сложный характер и считает, что, кроме местного тюркоязычного населения, в нем большую роль сыграли выходцы из степной зоны — ногайцы, узбеки и казахи [14; 67]. Кроме того, еще один компонент сибирских татар, «бухарцев», исследователь также связывал не только со Средней Азией, но и с Казахстаном. Отмечает он также наличие казахов в войске Маметкула во время его войны с Ермаком [14; 68, 69].

Тесную связь казахов и другой этнографической группы сибирских тюрков, тевризскими татарами, отмечает Н.Томилов, ссылаясь на работы Б. Кармышевой. В частности, анализируя этническую историю клана курдак, он отмечает, что часть этого рода попала к казахам и в составе аргынов в XVII веке оказалась в составе узбеков-локайцев. Кроме того, в составе курдаков отмечаются кара-кыпчаки, ногаи и китаи, пришедшие в регион в составе каракалпаков или казахов, а в составе саргатов — табыны, пришедшими в составе казахов, ногайцев или башкир [14; 119, 122, 124].

Анализ Н. Томиловым этногенеза такой группы сибирских татар, как чат или чагат, показывает прямую связь с казахами. В частности, исследователь отмечает, что в исторической памяти самих чатских татар сохранилось представление об том, что «раньше они составляли с казахской ордой один народ». Автор связывает с этнонимом «чат» такие казахские этнонимы, как «жетиру» и «жат» [14; 206, 207]. Относительно такого компонента в этногенезе сибирских татар, как «ногай», Н. Томилов отмечает, что этот компонент входит в состав всех групп иртышских татар [14; 123].

В целом, следует отметить очень скрупулезный анализ этнической истории сибирских татар в монографии Н. Томилова, позволивший ему показать тесную связь между различными группами сибирских татар, ногайцев, казахов и степных узбеков, составлявших до XVII века единый этнический массив.

Отдельно рассмотрим казахстанскую советскую историографию репрезентации места казахов в истории Сибирского ханства. Отметим, что в «Очерках по истории Казахской ССР» М. Вяткина, изданной в 1941 г., эта проблема не рассматривалась. Однако, анализируя этногенез казахов, автор отмечает, что: 1) образование Казахского ханства и казахов как этноса — связанные, но не идентичные процессы [15; 78]; 2) категории «узбек», «ногай», «казах» первоначально не носили этнический характер [15; 74, 75, 77]; 3) «узбеки» и «казахи» до XVI века представляют собой единый этнос, их обособление относится только к позднему периоду [15; 78–80]. К сожалению, М. Вяткин обходит вниманием историю Сибирского ханства, лишь эпизодически вспоминая о его существовании и контактах с казахами [15; 91, 92, 103].

В 1943 г. был издан I том нового обобщающего издания — «История Казахской ССР» под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Учитывая, что М. Вяткин стал одним из авторов данной книги, неудивительно, что репрезентация этногенеза казахов и их места в истории постордынских государств, в том числе и Сибирского ханства, не изменилась по сравнению с «Очерками» [16; 85–87, 92]. После разгромной критики в адрес данной книги со стороны партийной верхушки, она была значительно переработана и переиздана в 1949 и 1957 гг. Однако основные положения репрезентации места казахов в истории Сибирского ханства значительно не изменились.

Серьезный сдвиг произошел в 60–70-е гг. XX века, когда благодаря большой источниковедческой работе были введены в научный оборот значительные объемы письменных источников, началось систематическое исследование исторической памяти казахского и иных тюркских народов СССР. В 1979 г. был издан II том нового пятитомного академического издания «Истории Казахской ССР», где впервые в репрезентацию истории Казахстана было включено Сибирское ханство. Разделы, касающиеся его истории (Северный Казахстан и Западная Сибирь в XIII–XV вв., Сибирское ханство при Кучуме) были написаны Н. Мингуловым [17; 183–187, 280–282]. Раздел об этногенезе казахов был подготовлен А. Маргуланом [17; 239–248, 251–255].

Отметим, что авторы нового издания постоянно подчеркивают общность населения Западной Сибири в этот период с населением Северного, Центрального и, отчасти, Восточного Казахстана [17; 183, 184]. Основным населением региона в монгольский период, по мнению Н. Мингулова, являются кыпчаки, ставшие ядром казахстанских племен, соседствовавших с племенами Западной Сибири, и кереиты, создавшие крупное этнополитическое объединение на территории Северного Казахстана и Западной Сибири [17; 184]. Автор отмечает, что Сибирское ханство при Кучуме включало в себя территорию Северного Казахстана, а население этого региона составляли казахские роды, кочевавшие по среднему течению Тобола, Ишима и Иртыша и в Барабинской степи, по соседству с тюркоязычным населением Западной Сибири [17; 280]. Автор придерживается распространенной ранее в российской литературе точки зрения о степном, ногайско-казахском происхождении как Тайбуги, так и Кучума. Говоря о населении долины Иртыша, известном как «шибанцы», Н. Мингулов подчеркивает их общее с казахами происхождение [17; 280, 281].

Наличие этнической общности населения Казахстана постордынского периода обосновано в разделе, посвященном этногенезу казахского народа. Автор подчеркивает, что термины «кыпчак», «могул», «узбек», «казах» обозначают в XIV–XV веках один и тот же народ [17; 253]. Процесс смены названия авторы видят следующим образом. Примерно с 50–60-х годов XIV века в отношении населения Казахстана вместо традиционного термина «кыпчак» начинает применяться термин «узбек», а с начала XVI века — «казах». При этом изменение названия не сопровождалось сменой населения, за исключением миграции части степных племен во главе с Мухаммедом Шейбани в Среднюю Азию [17; 253, 255]. Как мы видим, в издании 1979 года появляется новое направление в советской историографии, репрезентующее историю Сибирского ханства как часть истории казахов. Однако данное направление осталось лишь в рамках казахстанской историографии, не получив распространения в официальной советской исторической науке.

Выводы

Таким образом, историографический анализ научно-исторических моделей репрезентации места и роли казахов в истории Сибирского ханства, разработанных в советской исторической науке, пока-

зывает нам наличие двух основных концепций, обусловленных как методологическими подходами, так и исследовательскими стратегиями, выбранными учеными. Первое направление заложено трудами В. Огородникова и С. Бахрушина. Согласно ему, казахи появляются на границах Западной Сибири только в конце XVII–начале XVIII века и не играли значительной роли в истории Сибирского ханства. Отметим, что данные взгляды восходят к работам дореволюционных российских авторов, в частности, Г. Катанаева.

Основой таких выводов стали: 1) следование письменным источникам, преимущественно архивным; 2) скептическое отношение к устным источникам, связанное со слабой разработанностью в советской исторической науке методов анализа объектов исторической памяти; представления о тождественности политического феномена «Казахское ханство/Казачья Орда» XVI–XVII веков и этнического феномена XVIII–XIX веков «казак/казах».

Второе направление, представленное работами Н.Томилова и его последователей, относит казахов к числу автохтонов Западной Сибири и активных участников процессов, связанных с историей Сибирского ханства. Отличительная черта данных работ — широкое привлечение для моделирования исторических процессов таких источников, как лингвистические данные и факты исторической памяти, отраженные в фольклорных источниках, в частности исторических преданиях сибирских татар.

Стоит отметить, что уже в конце 70-х гг. начинает развиваться третье направление, исследователи, работающие в его рамках, считают казахов частью единого этноса Золотой Орды и, соответственно, не разделяют при реконструкции событий XV–XVI веков казахов и сибирских тюрок — основное население Сибирского ханства.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Сибирский улус: Северный Казахстан и сопредельные территории системе золотоордынской этнополитической системы», ИРН AP08856598.

Список литературы

- 1 Миллер Г. История Сибири. — Т.1 / Г. Миллер. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 607 с.
- 2 Катанаев Г. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске / Г. Катанаев. — Омск: Типогр. Окружного штаба, 1904. — 201 с.
- 3 Верхотуров Д.Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня / Д.Н. Верхотуров. — М.: АСТ; Красноярск: АБУ; Владимир: ВКТ, 2009. — 331 с.
- 4 Глинский Б.А. Моделирование как метод научного исследования / Б. Глинский. — М.: Изд-во МГУ, 1965. — 248 с.
- 5 Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике: История, теория, практика / Я. Неуймин. — Л.: Наука, 1984. — 192 с.
- 6 Огородников В. Очерк истории Сибири до XIX столетия. — Ч.1. История дорусской Сибири / В. Огородников. — Иркутск, 1920. — 289 с.
- 7 Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. / С.В. Бахрушин. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. — 198 с.
- 8 Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. — Т. III, Ч. II. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 153–175.
- 9 Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв. // С. В. Бахрушин. — Т. IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 195–214
- 10 Бояршинова З. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения): спецкурс по истории народов Сибири для студ.-заочн. ист. фак. ун-та / З. Бояршинова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. — 154 с.
- 11 Бояршинова З. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху: докл., обобщ. содержание научных трудов, представленных ... д-ра ист. наук / З. Бояршинова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. — 109 с.
- 12 Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.) / Х. Зияев. — Ташкент: ФАН, 1968. — 37 с.
- 13 История Сибири с древнейших времен до наших дней:[В пяти т.] / под ред. А.П. Окладникова. — Т.1. — Л.: Наука, 1968. — 454 с.
- 14 Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX вв. / Н. Томилов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. — 276 с.
- 15 Вяткин М. Очерки истории Казахской ССР / М. Вяткин. — М.: Госполитиздат, 1941. — 367 с.

16 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. — Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. — 670 с.

17 История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): [В 5-и т.]. . — Т. 2 / под ред. А. Нусупбекова. — Алма-Ата: Наука, 1979. — 424 с.

Е. Әбіл, А. Күзембайұлы

Қазақтар мен Сібір хандығы: мәселеленің кеңестік тарихнамасы

Мақалада Сібір хандығы тарихындағы қазақтардың орнын кеңестік тарих ғылымындағы репрезентациялау талданған. Батыс Сібірдің отарлауға дейінгі тарихындағы ең қызықты және талқыланатын мәселелердің бірі — қазақтардың Сібір хандығы тарихындағы орны. Бұл мәселе бойынша әртүрлі, кейде диаметрлі қарама-қарсы көзқарастар айтылады. Негізгі ұғымдар революцияға дейінгі орыс ғылымында қалыптасты, бірақ кеңес заманында олар этнология, археология және деректану жетістіктерін ескере отырып, айтарлықтай жетілдірілді. Кеңестік тарихнамада Сібір хандығы тарихындағы қазақтардың орны мәселесі бойынша екі негізгі бағытты бөліп көрсетуге болады. Кеңестік тарих ғылымында басым болған бірінші бағыт В. Огородников пен С. Бахрушиннің еңбектерінде жазылған. Олардың пікірлерінше, қазақтар Батыс Сібір шекарасында тек ХҮІІ ғасырдың аяғы мен ХҮІІІ ғасырдың басында пайда болған және Сібір хандығының тарихында маңызды рөл атқармаған. Екіншісі Н. Томиловтың және оның ізбасарларының еңбектерінде көрсетілген, онда қазақтарды Батыс Сібірдің автохтондары және Сібір хандығының тарихымен байланысты процестердің белсенді қатысушылары қатарына жатқызады.

Кілт сөздер: тарихнама, тарихтың репрезентациясы, қазақтар, сібір татарлары, Сібір хандығы, Көшім, Тайбұға.

Ye. Abil, A. Kuzembayuly

The Kazakhs and the Siberian Khanate: Soviet Historiography of the Problem

The article analyzes the representation of the place of the Kazakhs in the history of the Siberian Khanate in the Soviet historical science. One of the most interesting and discussed problems in the pre-colonial history of Western Siberia is the problem of the Kazakhs' place in the history of the Siberian Khanate. On this issue various, sometimes diametrically opposite, points of view are expressed. The basic concepts have developed in the Russian pre-revolutionary science, but in Soviet time they have been considerably improved considering the achievements of ethnology, archeology, and source study. In the Soviet historiography of a problem, it is possible to allocate two basic directions on a question of a place of Kazakhs in the history of the Siberian Khanate. The first, dominant in the Soviet historical science, is the work of V. Ogorodnikov and S. Bakhrushin. According to it, the Kazakhs appeared on the borders of Western Siberia only at the end of the 17th — beginning of the 18th century and play an insignificant role in the history of the Siberian Khanate. The second, represented by the works of N. Tomilov and his followers, relates the Kazakhs to the number of autochthons of Western Siberia and active participants in the processes associated with the history of the Siberian Khanate.

Keywords: historiography, representation of history, Kazakhs, Siberian Tatars, Siberian Khanate, Kuchum, Taybuga.

References

- 1 Miller, G. (1937). Istoriiia Sibiri [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow–Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [in Russian].
- 2 Katanaev, G. (1904). Kirgizskii vopros v Sibirskom kazachem voiske [The Kyrgyz question in the Siberian Cossack Troops]. Omsk: Tipografiia Okruzhnogo shtaba [in Russian].
- 3 Verkhoturov, D.N. (2009). Ideia sibirskoi samostoiatel'nosti vchera i segodnia [The idea of Siberian independence yesterday and today]. Moscow: AST; Krasnoiar'sk: ABU; Vladimir: VKT [in Russian].
- 4 Glinskii, B.A. (1965). Modelirovanie kak metod nauchnogo issledovaniia [Modeling as a method of scientific research]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 5 Neumin, Ya.G. (1984). Modeli v nauke i tekhnike: istoriia, teoriia, praktika [Models in Science and Technology: History, Theory, and Practice]. Leningrad: Nauka [in Russian].

- 6 Ogorodnikov, V. (1920). Ocherk istorii Sibiri do XIX stoletia. Chast 1. Istoriiia dorusskoi Sibiri [An Essay on the History of Siberia up to the 19th Century. Part 1. The History of Pre-Russian Siberia]. Irkutsk [in Russian].
- 7 Bakhrushin, S.V. (1927). Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 16th and 17th centuries]. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh [in Russian].
- 8 Bakhrushin, S.V. (1955). Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v. [Siberian servicemen Tatars in the 17th century]. *Scientific works*. Vol. III. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [in Russian].
- 9 Bakhrushin, S.V. (1957). Sibir i Sredniaia Aziia v XVI–XVII vv. [Siberia and Central Asia in the 16th–17th centuries]. *Scientific works*. Vol. IV. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [in Russian].
- 10 Boiarshinova, Z. (1960). Naselenie Zapadnoi Sibiri do nachala russkoi kolonizatsii. (Vidy khoziaistvennoi deiatel'nosti i obshchestvennyi stroi mestnogo naseleniia): spetsialnyi kurs po istorii narodov Sibiri dlia studentov-zaochnikov istoricheskogo fakulteta universiteta [The Population of Western Siberia Before Russian Colonization (Types of Economic Activity and Social Structure of the Local Population): A Special Course on the History of the Peoples of Siberia for Extramural Students of the Faculty of History of the University]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta [in Russian].
- 11 Boiarshinova, Z. (1967). Zapadnaia Sibir nakanune prisoedineniia k Rossii. Selskokhoziaistvennoe osvoenie Zapadnoi Sibiri russkimi v feodalnuu epokhu: doklad, obobshchaiushchii soderzhanie nauchnykh trudov, predstavlenykh na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk (vmesto avtoreferata) [Western Siberia on the eve of annexation to Russia. Agricultural development of Western Siberia by Russians during feudal epoch: report summarizing the content of scientific works submitted for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta [in Russian].
- 12 Ziiaev, Kh. (1968). Uzbeki v Sibiri (XVII — XIX vv.) [Uzbeks in Siberia (17th — 19th centuries)]. Tashkent: FAN [in Russian].
- 13 Okladnikov, A. (Ed.). (1968). Istoriiia Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei [V piati tomakh]. [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day] (Vols. 1–5; Vol. 1). Leningrad: Nauka [in Russian].
- 14 Tomilov, N.A. (1981). Tiurkoiazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI–pervoi chetverti XIX vv. [The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th century and the first quarter of the 19th century]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta [in Russian].
- 15 Viatkin, M. (1941). Ocherki istorii Kazakhskoi SSR [Essays on the History of the Kazakh SSR]. Moscow: Gospolitizdat [in Russian].
- 16 Abdykalykov, M., & Pankratova, A. (Eds.). (1943). Istoriiia Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the Kazakh SSR from ancient times to the present]. Alma-Ata: Kazakhskoe obedinennoe gosudarstvennoe izdatelstvo [in Russian].
- 17 Nusupbekova, A. (Ed.). (1979). Istoriiia Kazakhskoi SSR (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) : [V piati tomakh]. Tom 2. [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day). Alma-Ata: Nauka [in Russian].